«Проект с миссионерскими последствиями». Интервью Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла журналу «Вода живая»: («Вода живая. Санкт-Петербургский церковный вестник» №9 за 2009 год)

В журнале «Вода живая. Санкт-Петербургский церковный вестник» № 9 за 2009 год, посвященном 30-летию регентского отделения при Санкт-Петербургской Духовной академии, опубликовано интервью с основателем регентского класса — Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом.

– Ваше Святейшество! Тридцать лет назад, в самый разгар брежневского застоя, в «городе трех революций» появилось фактически новое церковное учебное заведение. Как это удалось в то время, когда советское государство пресекало любые новшества в религиозной сфере?

– Если быть точным, регентский класс был основан не в 1979, а в 1978 году. Только это нигде не проходит по документам.

– То есть еще при митрополите Никодиме?

– Да. Владыка к тому времени чувствовал себя уже очень плохо, а в сентябре 1978 года скончался, так что, хотя и дал одобрение самой идее регентского класса, участвовать в ее реализации не мог. Но он мне доверял, и очень искренне. Вначале он воспринял эту идею без особого энтузиазма: видимо, как человек очень опытный (и духовно, и практически), он понимал, что возможна сильная критическая реакция внутри Церкви, не говоря уже о негодовании властей. И все же, когда я ему предложил конкретный алгоритм действий, он сразу понял, что это может иметь успех, и дал мне благословение.

– И в чем же была суть этого алгоритма?

– А суть заключалась в следующем. На протяжении многих лет я думал, как обеспечить доступ к богословскому образованию женщинам. В то время говорить публично о целях, которые я формулировал для себя, было невозможно. Но я был глубоко убежден, что настанет время, когда у Церкви появится возможность преподавать Закон Божий, катехизировать. И спрашивал себя: «А

кто этим будет заниматься?» Уже тогда нам остро не хватало духовенства, и самые элементарные предположения рисовали в будущем мрачную перспективу с кадрами. Ведь оттого, что Церковь получит свободу, кадры сами по себе не появятся немедленно! Поэтому мне и казалось важным начать уже тогда подготовку богословски образованных людей, которые были бы способны работать в области катехизации. Это был главный мотив.

Вторая причина заключалась в том, что в то время церковное пение в Русской Православной Церкви находилось в катастрофическом положении. Конечно, в таких городах, как Москва и Петербург, было видимое благополучие. А вот что касается провинциальных епархий, то там хоры сохранились только в кафедральных соборах или в крупных храмах. А в основном – это бабушки на клиросе, причем зачастую не было даже псаломщика, не говоря уже о регенте. И было ясно, что здесь надо что-то делать, а именно начинать подготовку, в том числе и церковных регентов. Так возникла идея построить учебную программу таким образом, чтобы изучались не только необходимые музыкальные дисциплины, но и основы богословия, церковной истории, христианской нравственности, литургики, после чего выпускники или выпускницы могли стать помощниками настоятелей и других священников в преподавании Закона Божия в воскресных школах. Хотя выражение «воскресная школа» я тогда не употреблял даже в уме, а просто думал о какой-то форме катехизации в приходах.

Должен сказать, что мысли об этом возникли у меня после возвращения в Ленинград из Женевы в декабре 1974 года (с 1971 по 1974 годы Его Святейшество, тогда в сане архимандрита, был представителем Московского Патриархата при Всемирном совете церквей в Женеве — *ред.*). И я стал думать, как это можно реализовать. Помог случай. Меня пригласил Владыка Павел, глава Финской Православной Церкви, к себе в Куопио в Финляндию (у нас вообще с ним были очень добрые отношения, и в 1975 году он меня приглашал читать лекции вместе с отцом Иоанном Мейендорфом, тогдашним ректором Свято-Владимирской семинарии в Америке). Когда я приехал в Куопио, он пригласил меня послужить в храме. И тут среди певчих и семинаристов я увидел девушку, которая была облачена в подрясничек и стояла вместе с семинаристами. У меня прямо сразу сердце екнуло, я почувствовал, что здесь есть что-то, за что можно зацепиться. На мой вопрос: «Кто такая?» мне ответили: «Лена Петцилла, православная девушка». – «А что она здесь делает?» – «Обучается в семинарии, потом будет регентом».

А дальше уже было дело техники. Получив принципиальное согласие владыки Никодима, через своих знакомых в Финляндии я передал Лене, что, если она направит нам прошение, мы ее примем на обучение и дадим хорошее музыкальное образование. Лена с энтузиазмом согласилась и подала прошение о зачислении в регентский класс.

– А что, регентский класс уже существовал?

– Да, у нас к тому времени был сначала регентский кружок, а потом регентский класс, в котором занимались семинаристы. И Лена подала туда заявление. Далее нужно было согласовать этот вопрос с уполномоченным Совета по делам религии Григорием Семеновичем Жариновым. Когда я ему сообщил, что есть такая-то заявка, он сначала даже не понял, о чем идет речь. А потом сказал, как всегда, что это невозможно. Я ему возразил: если мы в Советском Союзе провозглашаем равенство женщин и мужчин, то почему отказываем иностранке в том, чтобы приехать и получить у нас образование? Почему в университете можно, в консерватории можно, а в Духовной академии нельзя? Тогда Григорий Семенович стал развивать «богословские» аргументы, но без всякого успеха. Я легко убедил его в том, что с богословской точки зрения все это возможно. И тогда он, скрепя сердце, дал мне согласие.

Лена приехала. Вот тут-то я и приступил ко второму этапу этой операции, самому сложному. Я опять пришел к уполномоченному и сказал: «Неудобно, если будет учиться одна иностранка. Нас обвинят в показухе: ради того, чтобы пустить пыль в глаза Западу, мы приняли на учебу одного человека». И я предложил принять еще несколько девушек, но уже наших, русских. А чтобы не создавать дополнительных трудностей, посоветовал взять родственниц наших священнослужителей. В результате на обучение были взяты еще три девушки: Татьяна Ранне, Анна Ждан и моя сестра Елена Гундяева.

– Ваше Святейшество, а весь этот план Вы заранее выстроили?

– Конечно.

– Говоря о причинах создания Регентского отделения, первым пунктом Вы назвали потребность в богословско-катехизаторском образовании, а уже вторым – в регентско-музыкальном. Это не случайно?

– Я чувствовал, что рано или поздно наступит время, когда в Церкви появится острая необходимость в катехизации. Но, конечно, была еще и забота о поддержании певческого дела в Русской Церкви. Меня это тоже очень беспокоило.

Когда мы приступили к обучению в 1978 году, это еще не были официальные занятия. Они даже проходили вне общей программы. Но самое главное было сделано: создан прецедент. А в 1979 году мы объявили официальный набор, и началось настоящее преподавание.

– Открытие регентского отделения было неожиданным новшеством не только на фоне советского атеистического застоя, но и с точки зрения церковного традиционализма.

Как была воспринята идея создания регентского класса для девушек внутри Церкви?

– Как я уже сказал, митрополит Никодим дал на это свое благословение, но тут возникла критика со стороны Святейшего Патриарха Пимена.

– То есть не только со стороны советского руководства, но и со стороны консервативных деятелей Церкви?

– Я бы не стал говорить «консервативных». Патриарх Пимен был человеком опытным и видел определенные риски. Он спросил меня: «Так теперь вслед за регентским классом надо будет детский сад открывать?», намекая на то, что могут возникнуть определенные проблемы в отношениях между мальчиками и девочками. И тогда я сказал ему: «Ваше Святейшество, если произойдет хоть один случай, который бросит тень на Духовную школу, я буду готов уйти в отставку». Приехав после разговора с Патриархом, я публично сказал это же всем воспитанникам семинарии и воспитанницам регентского класса. Рассказав о возникших опасениях, я предложил им следующее: «Каждый из вас берет на себя ответственность за то, что происходит. Мы соответствующим образом будем работать по воспитательской линии, но самое главное, раньше третьего года обучения я не подпишу ни одного прошения на брак».

– Действительно, общение семинаристов с «регентшами» в одних стенах стало давать и другой явный и благой, хотя и «неофициальный», плод – создание православных семей. Предполагали ли Вы такой ход развития событий, несмотря на опасения Патриарха Пимена? Желали ли Вы этого?

– Очень желал! И это как раз была третья причина. Когда я стал ректором (и еще когда был студентом), я замечал, что очень много нецерковных молодых особ с внешностью иногда шокирующе нецерковной посещали наш храм. Видимо, ими двигало желание познакомиться с молодыми людьми. К сожалению, часто бывали случаи, когда семинаристы вступали в брак с ними, и все это оканчивалось катастрофой. Действительно, была проблема, где семинаристу познакомиться с верующей девушкой. В приходах тогда молодежи практически не было. И тот факт, что в семинарии появились девушки, конечно, многим помог найти свою избранницу. Я очень поддерживал дружеские отношения молодых людей, всячески содействовал тому, чтобы дружба перерастала в более серьезные отношения, но при этом у меня была твердая позиция: никаких браков до третьего класса!

– А тогда было три класса на регентском отделении?

– Да, и только в последний год обучения мы давали благословение на брак. И меня никто не

подвел: не было ни одного случая, за который мне пришлось бы краснеть или привести в действие обещание, данное Патриарху Пимену. Было множество случаев, которые радовали меня: я видел, что создаются здоровые православные семьи. И вообще присутствие девочек очень оздоровило атмосферу в семинарии: мальчики стали более подтянутыми, у нас появилось три хора (два мужских, один смешанный), активизировалась культурная жизнь. Например, проходили замечательные концерты. Сейчас-то этим никого не удивишь, а в то время это было революционным событием.

– Можно ли назвать создание регентского отделения миссионерским проектом своего времени?

– Я думаю, правильнее будет сказать, что это был проект со значительными миссионерскими последствиями. Многие из тех, кто учился и завершил обучение, активно стали работать в области образования. Я знаю замечательные примеры, когда во главе школ стали выпускницы регентского класса. В общем, этот проект оказался жизнеспособным. И тот факт, что через какое-то время и в Московской Духовной академии пошли по этому же пути, свидетельствует о том, что он был правильным…

Беседовал протоиерей Александр Сорокин

Источник: https://mospat.ru/ru/news/58578/